
МАРИНА ИНДИВИ
КСЕНИЯ ЛИТА
ПАРИ
на Снежинку
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ксения Лита
Марина Индиви

Пари на Снежинку

https://litres.ru/74822143
SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза: Я не ищу любви.

Дан: Она влюбится в меня до Нового года.

Для него это был простой способ доказать друзьям, что он круче всех. Для нее — еще один удар, который может разрушить и без того хрупкое доверие к людям. Но когда правда о споре всплывает, школа превращается в арену, где каждый делает свои ставки.

Чем закончится пари на Снежинку?

Содержание

Глава 1. Дан 5
Глава 2. Лиза 10
Глава 3. Дан 15
Глава 4. Лиза 21
Глава 5. Лиза 26
Глава 6. Дан 32
Глава 7. Лиза 37
Глава 8. Лиза 43
Глава 9. Лиза 47
Глава 10. Лиза 54
Глава 11. Дан 60
Глава 12. Лиза 65
Глава 13. Лиза 70
Глава 14. Лиза 75
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Ксения Лита,
Марина Индиви
Пари на Снежинку

Глава 1. Дан

— Новенькую к нам определили! — сообщил запыхавшийся Макс, влетевший в кабинет литературы прямо перед самым началом занятия.

— Это которая дочка новой директрисы? — спросила Мила Царева, поправляя стильную укладку, как будто за две минуты, в течение которых она ее не касалась, с ней могло случиться что-то непоправимое.

— Ага!

Одноклассники оживились. Все, кроме Ассоль. Я посмотрел на Астанину, которая, подперев ладонью щеку, листала томик Ахматовой до нужной страницы. Я был уверен, что из заданных на дом стихов она знает только названия. Свое литературное имя Астанина не оправдывала от слова совсем, на что, мне, впрочем, было положить большой и толстый. Я просто хотел ее трахнуть.

А она не хотела. Астанина была единственная, кто меня отшивал раз за разом, и это, знаете ли, царапало гордость не менее неприятно, как если бы кто-то поцарапал новенький, недавно подаренный отцом внедорожник. Потому что с девчонками проблем у меня не было от слова совсем. Я умел сделать им приятно — во всех смыслах, и любая в этом классе была бы рада выпрыгнуть из трусов, чтобы оказаться в поле моего зрения и в постели. Но не эта изящная темно-

волосая красотка как с обложки журнала. Иногда мне казалось, что она накладывает фильтр фотошопа перед тем, как выйти на улицу. Как иначе объяснить то, что она выглядит как фея даже на физре, когда все красные и потные?

— Дан, че-как? — плюхнувшийся рядом Матвей, мой лучший друг и по совместительству вроде как соперник (если бы он мог быть соперником), который сох по Астаниной чуть ли не с первого класса, совершенно безрезультатно.

— Ждем звонка и новенькую! — за меня ответил Артем, который очень, ну очень давно пытался влиться в нашу компанию. Тоже безрезультатно.

— Новенькую?

— Дочка директрисы! Забыл?

— А-а-а-а… Дан, что думаешь?

— Да ничего, — я наконец-то отвлекся от созерцания профиля Астаниной, посмотрел на парней. — А должен?

— То есть тебе пофиг на новенькую? Она же матери точно на всех стучать будет. Такая подстава в выпускном классе!

Я пожал плечами.

Нашего предыдущего директора сняли за взятку одним днем буквально перед осенними каникулами и с жутким скандалом. Точнее, скандал очень хотели прикрыть, но не получилось, в итоге это прогремело на весь город. А новая директриса, Ольга Васильевна Снежина, приехала из Москвы. Никто из наших всерьез не верил, что это можно сделать добровольно, потому что ну да, развивающийся, в принципе

перспективный индустриальный город, но Москва! Поэтому теории строили самые разные: начиная от того, что ее поставили специально, чтобы за нами следить. Ну то есть не за нами, а за педагогическим составом, мало ли кто еще крысятничает, и заканчивая предположением, что там у себя в Москве она тоже здорово проштрафилась по какому-то поводу.

Увы, ни первому, ни второму подтверждений не нашлось. Снежина работала в одной из Московских гимназий, а потом внезапно уволилась прямо посреди года и переехала. Вместе с дочерью. Тоже как бы ни разу не подозрительно, ну да и хрен с ним. Меня никогда не интересовали чужие скелеты в шкафу, своих хватало сполна.

В класс вошла русичка, Милена Анатольевна, она же Милатольевна, и тут же прозвенел звонок.

— Точность — вежливость королей, — донеслось еле слышное сзади.

— Ты где вчера колупался, чтобы достать эту народную мудрость? — так же шепотом поддел кто-то.

— В трусах его бабушки!

По классу прокатился хохот, но под взглядами Милатольевны все стихло.

— Я рада, что вы с таким энтузиазмом встречаете меня и творчество Анны Ахматовой, — сказала она. — Поэтому сегодня постараюсь спросить с вас по максимуму. Но прежде чем мы начнем…

Она приоткрыла дверь.

— Лиза, заходи.

И в класс шагнула такая ослепительно рыжая девчонка, что даже пасмурный ноябрьский день за окнами перестал быть томным. Волосы у нее сияли, как будто она только вышла из салона, как огонь, как живое пламя. При этом в точности такие же ослепительно рыжие брови и ресницы как бы намекали, что краска тут ни при чем. А вот глаза были холодными, как две голубые льдинки, и взгляд — настороженный, сосредоточенный, тоже.

— Класс, знакомьтесь. Лиза Снежина, она теперь будет учиться с нами.

Снежинка. Почему-то именно это пришло мне в голову, когда я на нее посмотрел. Такая же холодная и искристая.

— Да мы уже в курсе, — выдал Макс, и русичка посмотрела на него в упор.

— Рада твоей осведомленности, Валентеев. Лиза, садись, а Валентеев первым пойдет к доске и расскажет нам про основные этапы жизни и творчества Анны Андреевны Ахматовой.

Снежинка огляделась и направилась прямиком к Астаниной, но та хлопнула сумку на свободное место. У нее всегда было крайне говорящее выражение лица, и ей не нужно было даже произносить: «Здесь занято», чтобы все услышали: «Пошла нахуй».

Впрочем, Снежину это совершенно не смутило, развер-

нувшись, она оказалась в первом ряду. Рядом с Боровом, то есть Колей Боровиковым, которому предсказывали отличную карьеру и большие деньги на поприще борца Сумо.

Ее губы едва слышно шевельнулись, и я понял, что она сказала: «Привет». Но — без тени улыбки, а после Макс со скрежетом отодвинул стул и поднялся.

И тут мне в голову пришел план.

Глава 2. Лиза

Срываться посреди учебного года из города, который любишь с самого детства, из квартиры, которая была твоим домом, с двумя чемоданами и котом, орущим на протяжении всего перелета как младенец — это хард левел. Оказаться в день своего совершеннолетия не в ресторане с лучшими друзьями, а в самолете — полный отстой. Но я справилась. По крайней мере, мне хочется в это верить, а еще мне хочется верить в то, что все наладится. Может быть, не сразу, но у нас с мамой начнется новая жизнь вдали от того кошмара, в котором мы жили последние годы. Новая школа, новый класс… ну, ерунда. Тем более что учиться тут осталось чуть больше полугода. Сдам ЕГЭ, поступлю в универ, и там уже буду на равных с остальными. То есть с нуля знакомиться с однокурсниками и с обстоятельствами.

— Ты это… — шепчет парень, к которому я села. — Я как бы здесь не пользуюсь популярностью.

Киваю на красивую девчонку, которая меня отшила.

— Да я, судя по всему, тоже, — говорю с легким смешком.

— А… ну это Астанина, — отвечает он одними губами. — В ее круг в принципе нелегко попасть. Так же, как и к Царевой, у них тут вроде как две группировки. Кто кого круче. Дружить и с той, и с той выгодно. Ну…

Он чешет спину.

— И я бы тебе это советовал. Если не хочешь оказаться в аутсайдерах. Как я.

Аутсайдерство меня не страшит. Вообще-то я догадывалась, что мне не будут особо рады, потому что учиться в школе, где твоя мама — директор, это, знаете ли, не лучший вариант. Именно поэтому в Москве я училась в другом районе, а мама работала рядом с домом. Меня это не стремало, напротив. Даже так в меня умудрялись кидать предъявы, что у матери связи в Министерстве образования, что меня «тянут», и все такое прочее. Но если там таких предъяв были единицы, то здесь точно просто не будет.

— Ахматова является ярким представителем поэзии Серебряного века, — уныло вещал от доски мой одноклассник, — на ее жизнь и творчество наложили отпечаток детство и юность. Все это привело к тому, что она стала писать стихи… и стала известной. Но не сразу.

— Это все, что вы можете сказать про Анну Андреевну? — уточнила учительница. Она была высокая, настолько, что, мне кажется, могла бы стать капитаном женской команды по баскетболу.

— Она еще встречалась с Гумилевым, — неожиданно вспомнил парень. — И вышла за него замуж. А потом умерла.

Кто-то сзади коротко хохотнул.

— Трагично, — произнесла учительница.

— Очень!

— Трагично то, Валентеев, что если бы вы хотя бы слушали то, что я говорю, не говоря уже о том, чтобы записывать, сейчас у вас была бы совершенно другая оценка. И, что гораздо важнее, совершенно другое качество знаний. Садитесь. Османчев! Давайте вы расскажете нам об Анне Андреевне Ахматовой то, что вы сейчас рассказывали своему другу.

— Я не об Анне Андреевне Ахматовой ему рассказывал.

Я невольно обернулась на этот голос: такие типажи бывают в каждой школе и в каждом классе. Мажоры, считающие, что им все позволено, и любая деталь в образе этого парня просто кричала об этом. Темные волосы небрежно уложены, в глазах — превосходство, часы на руке явно намекают на то, что ему не приходится подрабатывать по вечерам.

— Еще одна трагедия…

— Но вам могу рассказать об Ахматовой.

Если бы на ее месте была мама, ему бы пришлось писать объяснительную, но здесь учительница пасанула. Просто сказала:

— Будьте любезны, — и опустилась за стол.

— Анна Ахматова родилась в семье потомственного дворянина и своими поэтическими наклонностями здорово засмущала отца. — Османчев вышел к доске, рассказывая на ходу, как будто сам был учителем. Он сунул руки в карманы и в целом выглядел расслабленным, в отличие от мявшегося перед ним у доски одноклассника. — Его здорово стре-

мал тот факт, что его дочь — поэтесса, он считал, что это может опозорить дворянскую фамилию Горенко. Так Анна стала Ахматовой. Свое первое стихотворение она написала в одиннадцать лет.

Я почувствовала на себе его взгляд, и встретилась с ним глазами. От этого взгляда стало не по себе. Настолько не по себе, насколько возможно — почему-то по коже прокатилась сначала волна мороза, а потом стало жарко. Терпеть не могу, когда меня так пристально рассматривают, как будто я экспонат в музее. Не просто пристально, еще и нагло, как будто ему реально все можно. Из вредности не стала отводить взгляд, наоборот — вскинула бровь, пристально его рассматривая.

— Ахматова училась в Царскосельской женской гимназии, но ее успехи оставляли желать лучшего, — ко взгляду добавилась еще и усмешка.

— Что дает надежду Валентееву, — заржал парень, сидевший на соседнем с Османчевым месте.

Астанина закрыла лицо ладонью.

— Гарский, вас я тоже спрошу, не переживайте! — Милена Анатольевна кивнула. — Османчев, продолжайте.

— Нелюбовь к учебе не помешала Ахматовой так же закончить Фундуклеевскую гимназию после переезда, а вскоре она действительно познакомилась с Николаем Гумилевым, и у них все закрутилось. Снежина, пойдем на свидание сегодня.

Я расслабилась, когда он снова вернулся к рассказу о жизни Ахматовой, поэтому пропустила удар. А он получился точным — и взгляды, облепившие меня со всех сторон, не шли ни в какое сравнение с одним-единственным, обжигающим, острым и словно проникающим в самое сердце.

Глава 3. Дан

Я сразу понял, что оно того стоило. У новенькой даже холод из глаз ушел, тонкие брови взлетели вверх, чуть ли не до кромки волос, взгляд стал как у олененка, застигнутом в свете фар на безлюдной дороге — изумленным, непонимающим. На щеки плеснул румянец, делая Лизу еще более выразительной. На ней-то косметики было ноль без палки, но с таким «окрасом» казалось, что ей она не нужна вовсе. Почему-то обычно девчонки, выбирающие так называемую естественность, выглядят откровенно страшно, с ней это правило почему-то не работало.

Пухлые губы новенькой буквально призывали творить с ними совершенно непристойные вещи, а ее взгляд и подавно заставил член затвердеть в штанах. Я успел оценить ее фигуру, когда Лиза стояла перед всем классом. Наша форма, которая даже на Астаниной смотрелась не очень, на новенькой села идеально, подчеркивая образ отличницы. С мамой-директором она просто обязана быть отличницей!

Изначально в мой план даже не входило действительно идти на свидание со Снежинкой. Я всего лишь хотел заставить Астанину ревновать: ничто так не заряжает, как наличие соперницы.

Но теперь прикол со свиданием внезапно перестал быть приколом. Я понял, что совсем не прочь покатать Лизу на

своем внедорожнике, а потом воплотить все те грязные фантазии, которые пронеслись в моей голове, на заднем сиденье этого внедорожника с этой хорошей девочкой.

Правда, ее изумления хватило на долю мгновения. В следующую секунду Лиза сдвинула брови и посмотрела на меня взглядом Снежной королевы. Холодным и высокомерным.

— Я не хожу на свидания с поклонниками Ахматовой, — ответила Снежинка и повернулась к русичке. — Простите, Милена Анатольевна, но Гумилев мне нравится больше.

Класс утонул в дружном смехе, даже у Астаниной приподнялись уголки губ.

А я нахмурился. Меня что, только что отшили? Меня?

Что эта Снежинка о себе возомнила?!

Я шагнул к первой парте и оперся на нее ладонями, склонился к Лизе ровно настолько, чтобы наши лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Она этого не ожидала, поэтому не успела отстраниться.

— Тогда ты тем более многое теряешь, — заявил я громким шепотом. — Мы бы могли заняться… литературой. Ты расскажешь мне про Гумилева, я — за что люблю Ахматову. Заодно сделаем домашку. Вместе.

Лиза глубоко вздохнула, отчего ее грудь приподнялась и натянула белую рубашку. Если бы не убийственный взгляд новенькой, решил бы, что она со мной флиртует, но нет, она дико разозлилась. Разозлилась за то, что я привлекаю к ней внимание? Но так получилось, Снежинка, что все, кто со

мной, в центре внимания. Потому что я сам всегда в центре внимания. Смирись с этим.

— Спасибо, — сухо ответила девчонка, — но я предпочитаю делать домашку в одиночестве.

Я вскинул бровь, взглядом спрашивая: детка, ты вообще поняла, что сказала?

Класс вновь взорвался общим весельем, оценив шутку новенькой. А она расстроенно прикусила губу, кажется, только что осознав, как двусмысленно прозвучал ее ответ.

Парни с галерки принялись улюлюкать на мое предложение «обсудить поэтов», но все веселье, конечно же, нарушила русичка:

— Османчев, хватит паясничать и срывать мне урок! Или хочешь прогуляться к директору?

— Ну что вы, Милена Анатольевна? Я лишь демонстрирую, как могли развиваться отношения между Гумилевым и Ахматовой. Уверен, между ними все было с огоньком!

Снежинка зло посмотрела на меня, а я ей подмигнул.

— Возвращайся на свое место, Данил, — махнула рукой Милатольевна. — Царева, Нарина, предлагаю вам перестать смеяться и прочитать классу ваши любимые стихи Анны Андреевны наизусть.

Я мысленно отметил, что русичка проигнорировала выпад Лизы, а ведь новенькая тоже участвовала в срыве урока. Не хочет ссориться с новым директором? Я московскую выдру не боюсь, но и проблемы с отцом мне сейчас не нужны.

Поэтому я вернулся на свое место и принялся катать ручку между пальцами.

— Дан, ты совсем слетел с катушек? — с тихим смехом поинтересовался Матвей. — Решил склеить новенькую прямо на уроке русского?

Я усмехнулся, но со стороны, наверное, получилось зверски. Вроде как хорошая мина при плохой игре. Давно меня так не выбешивала какая-то девчонка. Особенно такая! Скромница, отличница, с мамой-директором в анамнезе.

— Эй, Османская империя! Теряешь хватку! Как она тебя! — хмыкнул с соседней парты Макс. — Сказала, что лучше будет делать домашку одна, чем с тобой! — Он выделил «делать домашку одна», жирно намекая на то, что я пролетел с новенькой, как с Астаниной. Я с силой сжал челюсти, так, что на скулах заиграли желваки.

А в следующую секунду уже вжимал Макса лицом в парту.

— Османчев, Валентеев, немедленно прекратите! — Голосом Милены Анатольевны можно было разбивать бокалы, настолько высоко он взвился под потолок класса. — А ну марш к директору! Гарский, проследи, чтобы они дошли куда нужно, а не продолжили начатое в коридоре школы!

Пришлось выкатываться из класса под злобным взглядом русички, в дверях я обернулся на Снежинку, но она демонстративно на меня не смотрела. Гнев проник в мой организм словно какой-то змеиный яд.

— Эй Дан, я с тобой драться не стану, — поднял ладони

Макс.

— Тогда не пизди лишнего, — огрызнулся я.

— На правду не обижаются, — пробормотал Валентеев, а Матвей встал между нами, предотвратив поцелуй Макса с казенной стеной. — Тебя Астанина игнорит, теперь новенькая отшила. Может, тебя кто-то из бывших проклял? Или Тимоха Лорин. Говорят, Астанина ему свидание обещала.

Да твою ж мать! Лорин из параллельного класса, староста 11 «А» был моим главным соперником по лыжам, теперь еще это.

— Очень смешно! — хмыкнул я, привалившись к подоконнику. — Если я захочу, эта Снежинка станет моей по щелчку пальцев.

И не такие недотроги подо мной стонали.

— Снежинка? — хмыкнул Матвей.

— Так может, забьемся? — Валентеев выскочил вперед и протянул мне руку. — Предлагаю спор на новенькую. Сможешь затащить ее в постель до Нового года? Тогда выиграешь ты. Не сможешь — я.

— Пари на Снежинку, — растянул я губы в улыбке и сложил руки на груди. — На что спорим?

— Проиграешь, отдашь мне свой внедорожник.

— Выиграю, — выдвинул я встречное условие, — придешь голым на первое занятие после зимних каникул и признаешься Астаниной в большой любви. В стихах. В стиле Ахматовой.

Матвей нахмурился, хотел что-то сказать, но в этот момент дверь приоткрылась:

— К директору! — рыкнула русичка. — Или мне лично вас проводить?!

Я оторвался от подоконника, и за мной потянулись остальные.

— Зассал? — спросил я у Валентеева.

В глазах Макса промелькнуло сомнение, но, кажется, он верил в то, что Снежинка меня прокатит. Зря, потому что я собирался трахнуть ее в течение недели. И внедорожник при мне останется, и развлечение в лице шокированной Астаниной гарантировано.

— Идет, — все-таки согласился Валентеев.

— Новенькая не должна узнать про спор, — уточнил я. — Иначе условия аннулируются.

— По рукам, — кивнул Макс, и я ответил крепким рукопожатием.

— По рукам.

— Мы че, серьезно идем к директору?

— Да в жопу, — хохотнул я и развернулся в сторону столовки.

Глава 4. Лиза

Я еле досидела до конца урока, игнорируя собственные горящие щеки и шепотки и косые взгляды одноклассников. Как только Милена Анатольевна завершила урок, я подхватила учебник с тетрадью и ручкой, закинула рюкзак на плечо и поспешила прочь из кабинета.

Мне жизненно необходимо было подышать воздухом и побыть в одиночестве.

Я не ждала, что в новом городе, в новой школе и совершенно новом классе будет легко, но не представляла, что в свой первый день стану жертвой буллинга. Ведь именно этого добивался Данил Османчев! Высмеять меня, выставить полной дурой перед всем классом. Я даже мысли не допустила, что такой мажор действительно приглашает меня на свидание. Во-первых, я не из тех девчонок, к ногам которых упадет любой красавчик. Во-вторых, если бы он взаправду позвал бы меня погулять, то как минимум дождался бы перемены, а не вываливал приглашение у всех одноклассников на виду.

Придурок!

На что только рассчитывал? Что я запрыгаю от радости, потому что краш всея девчонок школы обратил на меня внимание? Я даже не удивлюсь, что они бегают толпами за этим богатым наглым холеным красавчиком! А ему об этом пре-

красно известно, чем он и пользуется.

Я пролетела две лестничные площадки и не заметила. Только на первом этаже поняла, что несусь в сторону директорского кабинета. Поэтому мигом себя тормознула. Нет, в том, что Османчев с Валентеевым еще там, я сомневалась. Мама, скорее всего, провела воспитательную беседу и отпустила их с миром. До первого директорского предупреждения. Но если кто-то из одноклассников засечет меня входящей в ее кабинет, то решат, что я побежала к ней жаловаться. Я потом вообще не отмоюсь!

Да дело и не только в этом, а в маме. Она у меня только с виду скала, а в жизни женщина, которая тоже собирает себя по кусочкам на новом месте. Если прибегу к ней после первого урока, мама начнет расспрашивать, и тогда придется либо врать, что получается у меня ужасно, либо рассказать правду. Учитывая, как сильно мама меня любит, она как минимум расстроится. Чего мне хотелось бы меньше всего. Потому что я люблю ее так же сильно. Она достаточно натерпелась, чтобы нагружать ее своими проблемами.

Сама со всем разберусь. И с этим Данилом, и с одноклассниками. И с одноклассницами.

К слову об одноклассницах…

— Мила, ты сегодня идешь на физру?

Царева и Ко стояли возле дверей класса, где у нас по расписанию должен был проходить урок биологии, и тут же повернулись ко мне, стоило мне подойти после короткой про-

гулки по коридорам школы.

— Уже стукнула мамочке, Снежина? — ехидно поинтересовалась высокая шатенка, которая шушукалась с Царевой на литературе.

Они загородили мне дорогу, и я вздохнула с досадой.

— А надо было?

— Хочешь сказать, что ты не такая? — На этот раз вопрос принадлежал самой Царевой. Королева снизошла до простой смертной.

Подружки поддержали Милу дружным хихиканьем.

В Москве, в нашем классе никто никого не буллил, не пытался унизить или опустить. Мы вообще были дружны. Но это не означало, что я не умею за себя постоять.

— Просто говорю: дайте пройти.

Я почти протиснулась между Царевой и Нариной, но королева класса перехватила меня за локоть.

— Будешь стучать на нас своей мамочке и строить глазки Османчеву, узнаешь, какими «приветливыми» мы можем быть, Лиза!

Я сбросила ее руку и ответила, глядя ей в глаза:

— Я здесь для того, чтобы учиться, а не присматривать за вами, как воспитательница за детским садом, Мила.

Я все-таки проскользнула в класс и столкнулась с Астаниной. Королевой номер два. Или один? Кто их разберет!

Я в школе первый день, а уже успела нарваться на самых популярных парней и девчонок. Нервы у меня были на взво-

де, поэтому я быстро пробормотала:

— Извини, — и поспешила занять свое место рядом с парнем, у которого даже не успела имя спросить. Настолько была увлечена своим позором!

Как я могла ляпнуть эту дичь про домашку? В новой школе, в новом городе, в своей новой жизни. Я планировала не привлекать к себе внимания, я хотела просто спокойно доучиться, закончить последний класс. Я хотела оставаться незаметной. И уж точно я совершенно не желала того, чтобы какой-то мажор испортил весь мой план в самый первый день здесь!

Впрочем, мне вслед не прилетело: «Куда прешь!» или что-то в этом роде. Уже хорошо. Правда, я подозревала, что у Астаниной ай-кью больше, чем у Царевой, и она гораздо более темная лошадка.

Чего я не ожидала, так это того, что перед шестым уроком (все это время я игнорировала шепотки и даже вернувшегося на занятия как ни в чем не бывало Османчева с приятелями), которым у нас была физкультура, Астанина подойдет ко мне сама. Я успела переодеться в раздевалке, запихнула вещи в шкафчик и направилась в спортзал. Оказалась, не одна я такая быстрая: королева номер два догнала меня рядом с матами.

— Хочешь бесплатный совет? — бросила она лениво. — Не связывайся с Османчевым.

— Дай угадаю. Потому что он твой?

— Потому что он мудак, который считает, что ему все можно.

— Он не в моем вкусе.

— Вот и помни об этом, когда подкатит снова, — Астанина хлопнула меня по плечу. — А то вкрашишься в него как все, и не заметишь.

— Я не все, — отрезала. — Я не ищу любви.

В ответ она только хмыкнула и отошла к стене, чтобы потянуться. Ну что я могу сказать, растяжка у нее была отличная.

Глава 5. Лиза

— Как прошел первый день? — спросила мама, едва заглянув на кухню. Разумеется, она пришла позже меня, поэтому я уже успела частично сделать уроки, приготовить нам ужин — картофельное пюре с котлетами.

Заметив ее появление, Басень вышел из комнаты и потерся о мамины ноги. Огромному серому котяре с зелеными глазищами имя дала именно я. Когда он у нас появился, мне было три года. Мама хотела назвать его Барсик, а я сказала «Басень!» На моем языке это и было Барсик, но именно Басень к нему прилипло.

Папа называл его Басень-колбасень.

При мысли об отце настроение поползло вниз, и я поспешила сказать:

— Все отлично. Ужин готов, Баська сытый. Он просто притворяется.

— Да знаю я. — Мама наклонилась и почесала кота между ушами, тот громко мяукнул в ответ. — Притворяться он умеет, и не только он. Да, Лиза?

— Ты о чем?

— Мне уже рассказали о том, что у вас произошло на уроке литературы.

— Кто?! — ахнула я.

— Я не выдаю свои источники.

Ну капец. Не школа, а МИ-6 какое-то.

— Да, но это не отменяет того, что у меня все отлично, — я сделала лицо кирпичом. — Ты же знаешь, меня такое не цепляет.

— Да уж надеюсь, — мама мне подмигнула и пошла мыть руки, я же разложила еду по тарелкам и достала зелень для украшения.

Мы переехали недавно, и здесь все, абсолютно все было непривычно. Мне приходилось заново привыкать к тому, где стоит посуда, к тому, как жарит газовая плита (у нас дома была индукционная). Про состояние квартиры, в которую нам пришлось вызывать клининг, я вообще молчу. Мы бы искали дальше, но время поджимало, а никто из хозяев не хотел сдавать квартиру, потому что у нас был кот. Как будто это не кот, а крокодил!

«А мебель мне потом подранную кто будет восстанавливать»?

«Кошки вонючие. Я после вас запах не выведу».

И все в таком же ключе. Даже здесь сработала больше мамина должность. Хозяйка квартиры, пожилая женщина, очень долго нас рассматривала и вынесла свой вердикт:

— Директор школы? Ну ладно тогда. Вижу, вы люди хорошие.

— Замечательно, — улыбнулась мама.

— Раз в месяц буду к вам приходить. Показания счетчиков снимать.

— Да мы можем присылать сами…

— Нет, нет, я сама. Я знаю, как тут все делается, мне самой смотреть надо.

В итоге мы плюнули и решили снять временно, а после Нового года, когда уже окончательно обустроимся, всерьез заняться квартирным вопросом. Ну а пока… пока все как есть.

Обои здесь блеклые, желтоватые, с какими-то смешными цветочками, и в одном углу они отстают от стены, как старая тетрадная страница, которую слишком часто загибали. От окна тянет холодом, и я поеживаюсь — поздняя осень будто специально решила показать, что она хозяйка этого города, а мы тут гости.

Стекло на старой раме запотело изнутри, и пальцем хочется провести линию, как в детстве. За окном темно, фонарь моргает, делая двор похожим на видео с плохой камерой. Один-единственный лист все еще болтается на ветке ближайшего дерева — упрямый, как я, когда мама сказала, что мы переезжаем.

На подоконнике стоит пятилитровая бутылка с водой, хотя в Москве мы просто открывали кран-фильтр. Капли внутри блестят в оранжевом свете, а стол слегка шатается, стоит только посерьезнее на него опереться. Линолеум под ногами холодный (в общем-то, неудивительно, первый этаж), но сейчас мне кажется, что он даже летом такой. Когда мы впервые оказались здесь после клининга, переехали из го-

стиницы, мама сказала: «Потихоньку все приведем в порядок», хотя я знала, что ей так же страшно, как и мне. Этот город для нее такой же чужой и незнакомый, и школа тоже, и все учителя, и начальство из местного филиала Министерства образования. И это место пока чужое, но все же это — наш новый дом. И мне придется научиться его любить, хотя бы понемногу.

Чтобы не сойти с ума.

— Ох, красота-то какая, Лиз! — Мама бросает взгляд на наш ужин, садится за стол и ойкает, когда он шевелится.

— Надеюсь, он не упадет, когда Басень с разбегу на него прыгнет.

— Надеюсь, хозяйка не придет, когда Басень будет на столе. Или наоборот? Надеюсь, когда она придет, ему не придет в голову лезть на стол.

Мы хохочем вместе, и наш смех отражается от стен, прыгая по крохотной кухне в такой же небольшой коридор и дальше, в комнату-гостиную, которую заняла мама, и ко мне в спальню.

— М-м-м-м, вкусно, — мама успела только попробовать пюре и котлету, и сразу же озвучила свои мысли. На комплименты она никогда не скупилась, как, впрочем, и на резкие замечания.

Интересно все-таки, Османчеву влетело, или нет? И когда она узнала, до того, как они пришли? Или после? Наверное, все-таки после. Или это Валентеев ей сказал?

Спрашивать бесполезно, если мама не сказала сразу, не скажет и потом. Может быть, и правильно: зачем проводить еще одну жирную черту между мной и одноклассниками, посвящая в то, что ученикам знать не положено? Если бы не скорость нашего переезда, я бы училась в другой школе, но…

Но. Все, не хочу больше думать об этом «но».

За ужином мама рассказывает о том, что скоро возьмет на себя полную ставку историчкиа, потому что она уходит в декрет. А мама у меня — как раз учитель истории.

— Я иногда думаю, что сама судьба нас сюда привела, Лиз. А значит, все обязательно получится.

Кого она убеждает? Меня или себя?

— Угу, — говорю я.

Мама рассеянно водит вилкой по остаткам пюре, потом доедает и поднимается, чтобы отнести посуду в мойку. Что самое забавное, мы с ней одного роста — обе невысокие, рыжие и веснушчатые. При этом она умудряется одним взглядом приструнить даже мужиков два на два.

— Иди отдыхай, посуду я помою.

— Мне еще домашку делать…

Я осекаюсь: из-за Османчева эта фраза никогда не будет прежней!

— Тогда тем более, — мама ничего не замечает, а я быстро ретируюсь к себе с пылающими щеками.

У-у-у-у, как перестать об этом думать?!

Ответ приходит сразу: никак. Потому что на дисплее смартфона высвечивается сообщение от OsmanEmpire:

«Как дела с домашкой, Снежинка? Помощь нужна?»

Глава 6. Дан

Больше всего на свете я любил вызовы. Можно было сказать, что это мой криптонит. Не в смысле, что меня было легко взять на слабо, нет. Мне просто нравилось решать с виду непростые задачки. Как и любой, кто с самого детства серьезно занимается спортом, я предпочитал в любых соревнованиях выходить победителем.

Но на девчонку я поспорил впервые. До этого как-то не доводилось, никто не отшивал меня на уроке русской литературы. Даже Астанина.

— Обязательно было приплетать Ассоль? — раздраженно поинтересовался у меня Матвей, когда Макс от нас отлепился.

— Да что с ней будет? — отмахнулся я. — Или думаешь, что Астанина западет на голого Валентеева?

— А если о споре узнает твой отец?

— Слушай, хватит душнить! Никто не узнает, и мы просто повеселимся.

Может, Макс и развел меня на спор, но я не собирался терзаться муками совести: Снежинка получит свой лучший первый раз. В том, что эта скромница — целка, я почти не сомневался. Она же колючая как метель! Но я собирался растопить это мороженое и попробовать ее на вкус.

Перед глазами промелькнула фантазия о том, как именно

я пробую на вкус Снежину, и у меня снова встал.

Блядь.

У меня словно секса давно не было. А все из-за этой девчонки!

Или дело в споре? В азарте. В том, что я хожу по краю.

В ушах зашумело, и хорошо, что я уже остановил внедорожник перед воротами дома. На скорости такое лучше не представлять!

Зато это полностью вытряхнуло те крохи сомнений из моей головы, которые в ней вообще были. Выиграю спор и девочку попробую! Никто в накладе не останется.

Высокие откатные ворота задвигаются в стену, которой окружен весь наш дом. Отец говорит, что ценит приватность, поэтому мы живем в замке. Ладно, я называл его так в детстве, вот к нему и приклеилось. У нас современный двухэтажный дом в центре города, с панорамными окнами с видом на реку, большой территорией за массивным забором и подземным гаражом.

Впрочем, я привычно паркуюсь возле крыльца: в гараже коллекционные тачки отца, он у меня западает на ретрокары, но обкатывает их по большим праздникам и точно не когда на улице почти зима. Система моего «Ренжд Ровера» показывает, что на улице минус два, но учитывая, что я завелся, это даже к лучшему. Холодный, морозный воздух слегка остужает, когда я, запихнув телефон в джинсы и подхватив рюкзак, выхожу из внедорожника.

И натыкаюсь взглядом на кутающуюся в сливочное пальто Вику и работников, которые украшают гирляндами и игрушками аллею из елок.

Ко мне тут же с яростным лаем подбегает Мафия, опускаюсь на корточки и позволяю счастливой собаке себя облизать. Приглашенные украшатели елок со страхом косятся на мою кане-корсо, но если в мире и существует более доброе существо, чем Маф, я о таком не знаю. Чешу массивные щеки, вызывая у своей любимицы радостное поскуливание и повизгивание.

— Скучала, девочка? Скучала, моя хорошая? Кто тут самая хорошая девочка на свете?

Мафия падает на бок и дает почесать пузо.

— Не собака, а черти что, — говорил про Маф отец. И добавлял: — Ты ее испортил.

Предки Мафии — древнеримские собаки, которые участвовали в гладиаторских боях. Полагалось, что смешной щенок, которого мне подарили на четырнадцатилетие, вырастет если не в боевую машину, то хотя бы в охранного пса. Но с Маф это почему-то не сработало. Собака Вики, белоснежный померанский шпиц Зефир, и тот был будто одержимый тысячей демонов. Стопроцентная концентрация ярости в обертке няшки.

— Привет, Дан! — Машет рукой Вика и кивает на елки. — Как тебе?

Мне достаточно просто гирлянд, но в этом году невеста

отца прямо-таки заморочилась. Или решила пройтись женской рукой по всем углам нашего замка. Оживить мужскую берлогу, раз уж заполучила официальное предложение руки и сердца.

— Не рано наряжать елки? — интересуюсь я. — Еще даже снег не выпал, и до Нового года полтора месяца.

Ровно столько у меня осталось, чтобы чпокнуть Снежинку.

— Вот именно, что без снега никакого зимнего настроения! — Вика вытаскивает из карманов свои изящные ладони с тонкими пальцами и идеальным нюдом и демонстрирует мне. — Поэтому создаю чудо своими руками.

Вика вообще выглядит как идеальная невеста: ей около тридцати, но по ней не скажешь. Слишком ухоженная, вся такая «клин герл» в стиле «олд мани». Идеальный блонд, ровная кожа, роскошная фигура, пухлые губы и взгляд, призванный цеплять мужиков за член. Но для меня она просто фотошоп! Вообще не поймешь, какая на самом деле. Вика столько раз оставалась ночевать в нашем доме, но я ни разу не видел ее без косметики. Или без образа.

Я смотрю на работников, которые в поте лица на ветру развешивают ярко-красные шары и думаю о том, что Вика пиздит насчет «своими руками». Но мне, честно, без разницы. Она невеста областного прокурора, имеет право.

— Удачи с чудом, — кидаю я и иду к дому. У меня слишком много дел, чтобы думать о том, кого трахает отец, и что

она из себя представляет.

Зато от таких мыслей у меня все упало. Есть в этом свои плюсы.

Я протираю лапы Мафии, впуская ее в дом, заворачиваю на кухню, чтобы взять себе пожрать. Тетя Нина, наша домработница, приготовила ужин, остается только погреть и утащить все это к себе на второй этаж.

Там я размещаюсь за письменным столом и выхожу на охоту.

— У-у, — тяжело вздыхает Мафия, медитируя на мою тарелку грустными глазами.

— Ты знаешь, что тебе это нельзя, — заявляю строго. — У тебя есть свой корм.

Найти Лизу не так сложно: она добавлена в официальный чат нашего класса. Есть еще неофициальный, но, понятное дело, Снежинки там нет. Зато есть бурное обсуждение новенькой. Я особо не вникаю, просто открываю чат со Снежиной. На аватарке простой портрет: Лиза улыбается в камеру, и я залипаю на ее улыбку. На этом фото в ее глазах нет того холода, с которым она сегодня смотрела на меня. И мне до зуда в пальцах хочется увидеть ее такой в реале. Поэтому я пишу:

«Как дела с домашкой, Снежинка? Помощь нужна?»

Глава 7. Лиза

Прозвенел звонок, и Коля, сидевший рядом со мной, начал быстро запихивать вещи в рюкзак. Оттуда выпал контейнер с обедом, и я едва успела его подхватить, чтобы все содержимое не оказалось на полу от резкого удара.

— Спасибо, — пробормотал Боровиков, краснея.

Я ему улыбнулась.

— Что, Снежина? — ухмыльнулась одна из подружек Царевой. — У вас тут уже семейный подряд? Заботитесь друг о друге? Давайте-давайте, никто другой вам не светит.

— Ты мимо проходила? — поинтересовалась я. — Вот и проходи.

Девчонка открыла было рот, но сама Царева прошла возле наших мест, как будто нас с Боровиковым не было, или как будто мы были призраками. Сдается мне, если бы она могла, прошла бы насквозь, и ее фрейлина поспешила за ней.

— Зря ты так, Лиз, — Коля застегнул сумку. — Они реально могут тебе неприятности устроить.

Я пожала плечами.

Вот никогда не могла понять, что не хватает таким как Царева: Мила явно была негласной королевой класса и вполне могла бы использовать это во благо, но предпочла быть не той, кем восхищаются, а той, перед которой предпочитают не вставать на пути. Та же Астанина не собирала вокруг себя

восхищенную толпу поклонниц, ей это было просто не надо, а вот Царева пряталась за своими подружками и напускным авторитетом.

Хрупкая, светловолосая, с идеальными локонами, уложенными так тщательно, что даже ветер, казалось, опасался их тронуть. Голубые глаза ледяные, колкие, с тем особым выражением, от которого у многих пропадало желание спорить и возникало желание слиться. В них не было тепла, только холодное любопытство, словно она оценивает людей так же, как оценивают одежду на витрине: подходит — не подходит, модно — устарело.

Я знала ее буквально два дня, но уже уловила, как она улыбается — тонко, ядовито, с легким перекосом губ, и эта улыбка никогда не обещала ничего хорошего. Чаще всего она появлялась, когда кому-то неловко, когда кто-то ошибся или сказал глупость. Она ловила такие моменты мгновенно, будто наслаждалась ими.

— Я серьезно, — Коля кивнул, когда мы с ним вместе вышли из класса. — Просто ты не знаешь… она в прошлом году выжила так одну девчонку из параллельного. Просто потому что та осмелилась перейти ей дорогу, блин. Прикинь, один класс оставалось доучиться.

— И как она ее выжила?

— Да там… в общем, девчонка влюбилась в препода. А ее подружка слила информацию Царевой. Ну и это разнеслось по школе, ее травили все кому не лень. И она перевелась.

— А препод? Ну, в которого она влюбилась?

— Да ему что, больше всех надо, что ли? Где он еще такую школу найдет в нашем городе. Особенно если бы его к этой истории притянули реально.

Ну да, неудивительно, что вокруг Царевой держалась свита — легче притворяться подругой, чем стать мишенью. Самая страшная сила — это сила слова, сказанного «между прочим», которое затем разносится по школе.

— Но учителя от нее в восторге. Она реально тот случай, когда с ней лучше не связываться, поверь мне. И отец у нее отставной генерал, по инвалидности.

— Спасибо, Коль, — сказала я, — буду иметь в виду…

— Привет, Снежинка. Как спалось?

Я чудом не влетела в Османчева, возникшего у нас на пути. На первом уроке его не было, но, очевидно, для него это был не первый и не последний раз. Первое правило взаимодействия с такими парнями как Данил — не обращать внимания. Игнорировать. Поэтому вчера я отвечать не стала и вообще отложила смартфон, справедливо рассудив, что если я не стану с ним общаться, он решит, что это ниже его достоинства. Вот только, кажется, не сработало.

— Спалось отлично, — я попыталась его обойти, но Османчев и тут меня обскакал. Открыл для меня дверь в кабинет, и это увидели все. В смысле, все одноклассники, которые стекались в класс на урок по алгебре.

Я прошла внутрь и заняла свое место, Коля положил сум-

ку на соседнее, но Османчев наградил его тяжелым взглядом и сказал:

— Потеряйся.

Коля бочком пошел в сторону окна, Данил столкнул сумку на пол и плюхнулся на его место.

— Так что? Сегодня после уроков?

Не знаю, что разозлило меня больше: эта его непробиваемая уверенность в собственных силах или то, как он обошелся с Боровиковым.

— Мы, кажется, вчера все обсудили.

— Да нет, ты так и не ответила, как дела с домашкой.

К нашему разговору прислушивались, поэтому я сложила руки на груди.

— Я думала, твой кругозор позволяет тебе придумать нечто более интересное, нежели чем крутить на репите одну и ту же шутку несколько дней подряд. Но, видимо, я ошибалась.

Османчев перестал улыбаться. Вот и чудесно, а если он еще от меня отстанет, счастью моему вообще не будет предела. Ну давай, уходи, оставь меня в покое. Тем более что его присутствие автоматически отпечатывалось румянцем на щеках. Я знала, это особенность моего организма так реагировать, когда я злюсь или нервничаю, или…

Ну вот последнее «или» точно не про Османчева! Мне никогда не нравились такие парни, я даже в фильмах и книгах предпочитала не «бэд боев». А вполне себе адекватных

парней, которые понимают слово «нет» и знают, когда остановиться!

Османчев и правда поднялся, но при этом умудрился на ходу взъерошить мне волосы и кинуть:

— Понял. При всех стесняешься. Поговорим после уроков, Снежинка.

И направился к пристально наблюдающему за нами другу, оставив меня наедине с выбором: запустить в него чем-нибудь тяжелым или просто сесть.

Просто сесть!

Потому что если я хоть раз покажу свои эмоции по поводу него, это будет полный… в общем, просто сесть было тем самым вариантом, который я выбрала. Вот только даже после звонка не получалось успокоиться, потому что я все время прокручивала в голове это его прикосновение и странное ощущение, как будто от легкого касания пальцев у виска кожа словно вспыхнула. И щеки продолжали гореть!

К счастью, начался урок, к несчастью, я все равно толком не могла переключиться.

У него вообще тормозов нет, что ли? И что мне теперь с этим делать? Опыта с парнями у меня было не то чтобы много… если не сказать больше. В Москве я встречалась с парнем из параллельного класса, но дальше поцелуев у нас дело не заходило. И он стеснялся, и я. А уж опыта общения с такими, как Османчев, у меня точно не было. Да, у нас в классе такие были, но они проходили мимо меня, я — мимо

них. К счастью. Или как посмотреть…

— … нам расскажет Лиза Снежина.

Я растерянно вскинула голову, потому что вообще не представляла, что я там должна рассказать.

Глава 8. Лиза

У меня не было проблем с алгеброй в прошлой школе. Если честно, у меня вообще не было проблем с учебой. Несмотря на то, что в моем бывшем классе были ученики сильнее меня, я училась на отлично. Я всегда была собранной, в фокусе… Пока не случилось то, что случилось.

То, что заставило нас уехать.

Но сейчас у меня не было никаких оправданий. Потому что я думала вообще о другом. Об Османчеве. Кошмар!

Я пялюсь на преподавателя алгебры, миниатюрную ухоженную брюнетку средних лет, и пытаюсь немного отмотать назад время, чтобы услышать, что я там должна рассказать. Она улыбается мне и смотрит доброжелательно. Пока что.

Слова «повторите, пожалуйста вопрос» застывают у меня в горле, потому что на меня снова все смотрят и ждут, когда я сяду в лужу. Чтобы посмеяться над новенькой. Даже Коля хлопает глазами, хотя мог бы и подсказать! Не должен был, но мне бы это сейчас очень пригодилось.

Как в замедленной съемке, я поднимаюсь, тяну время, но понимаю, что оно почти закончилось.

— Я…

— Елена Григорьевна, давайте я вам расскажу про периодические функции! — Помощь приходит оттуда, откуда я жду ее меньше всего. Тон Османчева ленивый, словно глав-

ный тут он, а голос со знакомой хрипотцой. — И график нарисую. Человек второй день в нашей школе, дайте привыкнуть.

Класс смеется, будто мы не на уроке, а на каком-то стендап-шоу. Но смеется не с меня, а с шутки Османчева. Он бесит меня, но в этот момент я ему искренне благодарна, потому что школьный мажор смещает фокус общего внимания на себя — раз, подсказывает мне тему заданного учителем вопроса — два.

— Ваши знания я знаю, Данил, — отвечает Елена Григорьевна, жестом прекращая общий всплеск веселья, и снова мне улыбается. — Лиза, мне нужно знать на каком ты уровне.

Холодный кулак, который сжимает мои внутренности, сейчас разжимается, я снова чувствую себя в своей среде, потому что знаю ответ.

— Да, конечно, — киваю я. — Периодические функции — это…

После моего ответа Елена Григорьевна пишет формулу на доске и просит нарисовать график. Дальше она вызывает Валентеева.

Весь урок я буквально впитываю то, что объясняет преподавательница, максимально включаюсь в учебу и стараюсь не обращать внимания на то, как по мне все время скользит знакомый обжигающий взгляд. Хотя, возможно, у меня просто паранойя.

И Османчев к концу занятий забудет свое обещание. Или ему срочно понадобиться куда-нибудь уехать.

В общем, надежда умирает последней. Я даже всерьез раздумываю о позорном варианте спрятаться где-то после учебы. Пусть думает, что я у матери сижу. Но потом я его отметаю, потому что вот еще! Только от всяких мажоров я в своей жизни ни разу не бегала. Вот и сейчас не буду.

Я уже дважды отказала Османчеву. Откажу и в третий раз. И четвертый, и пятый… Буду говорить «нет» столько, сколько потребуется! В конце концов, он сдастся и освободит меня от своего навязчивого внимания. Возможно, уже сдался!

Я облегченно выдыхаю, когда после последнего урока Османчев покидает класс одним из первых и даже на меня не смотрит. Выжидаю время, а затем собираюсь домой. Спускаюсь на первый этаж, забираю вещи из гардеробной и сильнее натягиваю пушистую шапку на уши. Здесь значительно холоднее, чем в это время в Москве, а без снега ветер ощущается просто ледяным. В нашем районе еще и много строек, поэтому можно буквально увидеть то, чем ты дышишь. И ветер гоняет эту пылищу и смесь песка и извести.

Я хожу в лиловой искусственной шубе, мамином подарке на мое восемнадцатилетие, и только она и спасает от холода и ветра. Надеваю рюкзак и иду вдоль школы — это самый короткий путь. На ходу печатаю замерзшими пальцами сообщение Лере, моей школьной подруге из Москвы.

«Привет! Как там олимпиада?»

Лера не отвечает, хотя я вижу, что она в сети. Она не отвечала и на предыдущие мои сообщения, даже когда я написала, что мне очень надо с ней поговорить. Мне кажется, что она на меня в обиде, потому что я не рассказала ей о реальной причине нашего с мамой переезда. Но я вряд ли смогу рассказать об этом кому-либо.

— В задницу! — цежу я сквозь зубы. Друзья познаются в беде и в переезде. Наша дружба не выдержала ни первого, ни второго. Поэтому я просто беру и добавляю Леру в черный список, а затем прячу смартфон в карман. Наверное, это его и спасает.

Потому что в следующую минуту на меня обрушивается дождь из грязной вонючей жижи.

Я не кричу, потому что от шока во мне закончились звуки. Бей или беги — это не про меня. Страх меня замораживает на месте. В первое мгновение.

В следующую секунду я смотрю на рукава своей новенькой шубы и понимаю, что она больше не лиловая — по ней, по моей шапке и волосам стекает грязь. Сверху щелкает окно, но и так понятно, что на меня вылили ведро с водой, которой помыли коридоры школы.

Хорошо если не туалет.

Глава 9. Лиза

Наверное, я бы так и стояла, если бы мне не посигналили. Узенькая дорожка вдоль школы тянется между ней, спортивной площадкой и детским садиком по другую сторону от нее. Как раз на этой узенькой дорожке и остановилась шикарная «Ламба» розового цвета. Выглядит сюрреалистично, особенно на фоне всего того, что со мной только что произошло. Стекло со стороны водителя опускается, и Астанина говорит мне:

— Снежина, блядь! Не стой как памятник мокрой вонючке, воспаление легких — полный отстой.

— Ч-ч-его? — спрашиваю я.

— Садись, говорю! Отвезу тебя домой… ну или в химчистку. Хотя химчистка тут уже вряд ли поможет.

Шок, неверие, обида и боль все еще мешаются во мне, как ингредиенты коктейля в шейкере, но теперь к ним еще добавляется злость. И понимание, что я действительно замерзну даже пока дойду до остановки или до метро.

Гордость во мне борется со здравым смыслом, в итоге перевешивает второе, и я подхожу к машине Астаниной.

— Я тебе там все испачкаю, — предупреждаю я, глядя на кожаный салон.

— Пф, да садись уже! — хмыкает она, и я быстро обхожу машину и ныряю на сиденье рядом с ней. Тем более что сза-

ди уже сигналят, и какой-то мужик орет:

— Поехали или как?! Понасосут, блядь…

В ответ Астанина высовывает руку с выразительно оттопыренным средним пальцем. Да, если и может существовать большее несоответствие между характером этой девушки и именем чуть ли не самой романтичной и трепетной героини литературы — Ассоль — то я такого не знаю.

«Ламборгини» срывается с места с такой скоростью, что меня вжимает в сиденье. Одновременно с этим чувством ко мне возвращается ощущение реальности и понимание того, что только что произошло.

«Химчистка тут вряд ли поможет».

Я смотрю на грязный мокрый рукав шубы. А это моя единственная одежда на зиму! Была… Судорожно вздыхаю, потому что мне теперь точно не выкрутиться перед мамой, придется рассказывать о случившемся, а это конец моей и так неудавшейся попытки вписаться в новый класс хотя бы до конца года. До ЕГЭ.

Она этого так не оставит, устроит расследование и…

— Так, ну что, куда едем? — Астанина убавляет громкость музыки и смотрит на меня.

— Не знаю, — устало говорю я.

— Охереть. А я знаю? — Она смотрит на меня через зеркало заднего вида. Точнее, просто в него смотрит. — Ладно, поедем ко мне.

— Я…

— У меня дома переоденешься и подумаем, что с этим делать дальше.

Под «этим» она, очевидно, подразумевает мою верхнюю одежду. А у меня даже нет сил возражать, потому что я не представляю, что мне делать дальше. Потому что в голове до сих пор крутится, что надо было идти другой дорогой. Я в мыслях отматываю назад, сворачиваю к скверу, так дольше до остановки, но зато я остаюсь сухой. И чистой.

С губ срывается судорожный выдох.

— Ты реветь собралась? — спрашивает Астанина, когда мы выруливаем на шоссе. — Если да, то я тебя прямо посреди дороги высажу. У меня фобия.

— Фобия чего?

— Женских слез.

Как будто она сама не девчонка! Еще какая, и, между прочим, красивая. Волосы цвета горького шоколада, ближе даже к черному, чем к темно-коричневому, карие глаза, а оформлению бровей вообще позавидуют все московские блогеры.

Она из тех девчонок, кто предпочитает юбки и каблуки, даже когда холодно. Впрочем, когда ты на машине — тепло, и ее легкая короткая курточка без дела лежит на заднем сиденье.

— Не буду, — говорю я. — Плакать.

— Вот и чудненько.

Остаток пути мы даже не разговариваем, я держу в руках грязную шапку, а Астанина подпевает музыке, которая льет-

ся из динамиков ее стереосистемы. Я даже примерно себе не представляю, кто ее родители, если у нее такая машина. Впрочем, когда мы подъезжаем к дому ее родителей, стоящем на одной из улочек, уходящих ближе к реке, все становится понятно. Здесь много домов, самых разных, и двух, и трехэтажных, и с банями, и с площадками для отдыха, даже с бассейнами. Но их особняк — это как мини-город, мы даже вдоль каменной стены едем пару минут, чтобы добраться до кованых ворот, у которых стоит охранник.

— Добрый день, Ассоль Игоревна, — он кивает, и ворота распахиваются, пропуская нас внутрь. Мы едем по дорожке к дому, по выложенной камнями дорожке, и я пытаюсь собраться с мыслями. Потому что в моей Вселенной никогда не было таких домов и роскошных парков за каменными неприступными стенами. Но мысли отказываются собираться, а главная среди них всего одна.

Кажется, я зря согласилась с ней поехать.

Зря, потому что мне здесь не место.

Ассоль же, кажется, так не считает, потому что хлопает дверцей машины, и мне приходится последовать ее примеру.

Особняк ее родителей выглядел так, будто сошел с картинки в глянцевом журнале, где все идеально и неприлично дорого. Фасад — сплошное стекло и гладкий белый камень, без единой трещинки. Полосы светодиодной подсветки вдоль крыши мягко сияют даже днем, будто подчеркивая каждую линию этого архитектурного чуда.

— Сань, почисть салон, пожалуйста, — она швыряет ключи в руки встречающему нас мужчине, отдаленно похожему на английского дворецкого. Отдаленно — потому что он более приземленный, не похожий на персонажа классических книг и экранизаций с их чопорностью.

Внутри было светло. Пронзительно светло. Пол — белый мрамор, такой гладкий, что отражал наши силуэты, будто мы ступали по зеркалу. Высокие потолки, я даже представить не могла, какая тут высота… почти как в торговом центре, только без шума, без людей, без всего лишнего. Просто воздушное пространство, где звук шагов тонул сразу.

Я сразу почувствовала запах — легкий, дорогой, как в бутиках: смесь древесных нот и каких-то сладких, едва уловимых оттенков. Он не давил, но напоминал, где я нахожусь: в мире, где все измеряется не ценой, а уровнем.

На стене напротив — огромная картина, по размеру почти как киноэкран, абстракция. Скорее всего, работа какого-то современного художника, цвета на холсте были такие насыщенные, что резали глаз. Справа — стеклянная лестница с металлическими перилами, настолько тонкими, что они казались нереальными. Я боялась к ним прикоснуться, будто могла оставить отпечаток пальца и испортить эту стерильную красоту.

— Ну что застыла? Идем! — Астанина в отличие от меня совершенно не боялась здесь что-либо задеть или испортить. А я залипла на огромные панорамные окна от пола до

потолка, открывающие вид на бассейн — длинный, прямоугольный, с подсветкой в пасмурном туманном дне. Над бассейном клубился пар, и в нем я увидела очертания женской фигуры, расслабленно облокотившейся на бортик.

Ее мама? Сестра?

Почувствовав себя подглядывающей за чужой жизнью, я быстро взлетела за Ассоль по лестнице.

— Ну вот. Моя комната. Проходи. Можешь принять душ, а я пока скажу, чтобы нам приготовили что-нибудь поесть. Чистые халаты в шкафу в ванной.

Первое, что я увидела, — огромное окно от стены до стены. За стеклом раскинулся тот самый парк где ветер гонял по дорожкам оставшиеся листья. Пол — светлый дуб, теплый на вид, контрастирующий с холодной улицей. На нем лежал пушистый ковер сливочно-белого цвета, такой мягкий, что мне захотелось наступить на него босиком. Стены — пепельные, но свет от встроенной подсветки делал их почти розовыми.

Посреди комнаты стояла кровать — огромная, с высоким мягким изголовьем, обтянутым серым велюром. На покрывале лежали подушки разного размера: серебристые, молочные, с легким блеском. Все так аккуратно, что казалось, здесь никто не спит, только фотографируют для интерьерных журналов.

У окна располагался маленький рабочий стол, на котором устроились ноутбук, лампа с золотистой ножкой и хаотично разбросанные тетради.

Слева — гардеробная с зеркальными дверями. Стоило пройти мимо, и в отражении комната казалась вдвое больше, а я — еще более потерянной, чем чувствовала себя на самом деле.

У стены — небольшой диван, светло-серый, с мягким пледом, накинутым будто случайно. И рядом — высокий золотистый торшер с матовым стеклом, дающий теплый свет, который делал комнату похожей на укрытие от промозглой осени.

Даже воздух здесь пах по-другому: ванилью, чистотой и чем-то дорогим.

— Как в «Сумерках», — вырвалось у меня.

Астанина закатила глаза, а после просто вышла. Оставив меня одну наедине со своей роскошной комнатой. Которая была больше, чем вся наша с мамой квартира.

Глава 10. Лиза

Первое, что я сделала — стянула ботинки. Мне хотелось сделать это еще в холле, но Астанина прошла в обуви, и я подумала, что буду выглядеть как одноклассница из бедного района. Впрочем, я и есть одноклассница из бедного района. Но ничего не поделаешь.

Вот так, с ботинками, рюкзаком и в шубе я прокралась в личную ванную Ассоль, которая выглядела как уединенный оазис роскоши и спокойствия. Мягкий свет, исходящий от скрытых подсветок под потолком и вдоль мраморных панелей, отдавал теплым золотом, создавая ощущение утреннего солнечного сияния. В центре стояла овальная ванна из белоснежного камня, гладкая, словно отполированный жемчуг. У стены — просторная душевая кабина с прозрачными стенами. На мраморной столешнице оттенка топленого молока были аккуратно расставлены матовые баночки и бутылочки бренда, о существовании которого я даже не знала.

В углу стояла изящная этажерка из светлого дерева, на которой лежали пушистые полотенца, свернутые ровными рулонами. Большое зеркало без рамки занимало почти всю стену над раковиной. Стоило мне шагнуть в комнату, как над зеркалом зажглась подсветка, выхватив мое отражение, которое оставляло желать лучшего. Вернее, не отражение, а мой вид — криповый и плачевный.

Яркие пятна на щеках, белая шапка, превратившаяся в половую тряпку, слипшиеся пряди, которые теперь напоминали сосульки, покрасневшие глаза и нос.

Только оказавшись на теплом полу из кремовой плитки, я поняла, что меня потряхивает. То ли от холода, то ли от пережитого унижения. И сейчас… Среди всей этой чистоты и роскоши я смотрелась словно невоспитанная собака, извалявшаяся в грязи на прогулке.

На глаза вновь навернулись слезы, но я яростно смахнула их ладонью и принялась быстро стаскивать с себя одежду. Не буду плакать. Я обещала Астаниной. И себе тоже обещала.

Быстрый осмотр показал, что пострадали не только шуба и шапка — вода с хлоркой попала на джинсы и на ботинки, и заставил меня пожалеть, что не попросила Ассоль отвезти меня домой. Там я хотя бы смогла бы переодеться. Но момент был упущен.

Я сбросила свои грязные вещи прямо на пол и шагнула под душ. Безумно хотелось смыть с себя этот мерзкий запах. Еще больше хотелось смыть собственные воспоминания, представить, что этого всего не было.

Теплые струи воды с имитацией тропического дождя омывают мое тело и позволяют немного успокоиться. Вода всегда возвращает мне равновесие. Но приходится раз пять помыть голову шампунем Ассоль, прежде чем проклятый запах хлорки и грязи перестает меня преследовать. Когда я заканчиваю, от меня пахнет розами и мускусом.

Я заворачиваюсь в мягкий кремовый халат и трачу еще несколько минут на то, чтобы высушить волосы. Только затем покидаю этот остров уюта и босая возвращаюсь в спальню Ассоль.

Астанина сидит на диванчике, подогнув под себя ноги, и что-то листает в своем смартфоне. В мягком свитере и широких штанах она выглядит как модель, рекламирующая домашнюю одежду, или как блоггер с «Пинтереста». Возможно, все дело в том, что она еще не смыла макияж, а я заняла ее ванную.

Рядом с ней прямо на диване стоит раскладной столик со всякими закусками: здесь «фиш энд чипс», какие-то намазки, цельнозерновые хлебцы.

При виде меня Астанина откладывает смартфон и кивает мне на место по другую сторону столика.

— Ты вовремя. Рыба и картошка еще горячие.

Когда я нервничаю, у меня напрочь пропадает аппетит, но я устраиваюсь на диване и беру кусочек рыбы в кляре, чтобы не показаться невежливой. Впрочем, рыба настолько нежная и тает во рту, что я съедаю всю порцию за несколько минут. Ассоль ест медленно и так красиво, что я не выдерживаю и интересуюсь:

— У тебя есть недостатки?

— Люблю покушать.

Я приподнимаю брови:

— С каких это пор это недостаток? Тебе бы обрадовались

все бабушки мира!

Астанина смеется и задумывается, прежде чем ответить:

— Я ругаюсь матом. Сойдет?

Я киваю и думаю о том, что с удовольствием бы приехала к ней в гости по другой причине, а не вот это вот все.

— Ты сможешь одолжить мне одежду? — спрашиваю, переборов неловкость. — Из моей спаслись лишь белье и водолазка. Ну еще содержимое рюкзака.

— У нас один размер, так что не вижу проблемы, — пожимает плечами Астанина, и мне становится чуточку легче дышать.

— Как думаешь, зачем они так?

— Потому что курицы, — закатывает глаза Ассоль.

— Курицы? Ты думаешь, это девчонки?

— А кто еще? Ты два дня подряд привлекаешь внимание Османчева — это раз. Дочь новой директриссы — два. Этого достаточно, чтобы начать тебя буллить.

— Того, что моя мама директор, я, к сожалению, изменить не смогу. А насчет Османчева… — Я морщусь. — Понятия не имею, чего он ко мне привязался!

— Ты новенькая, хорошенькая и не дала ему сразу. Этого достаточно для нашего звездного мальчика.

— Нашего? Звездного?

— Насчет «нашего» — это сарказм, насчет «звездного» — он действительно восходящая звезда лыжного спорта. Или продолжающая, я в спорте не очень разбираюсь.

Я легко представила Османчева на лыжах, это слишком органично вписывалось в его образ. Когда увидела его впервые, подумала, что он занимается каким-то спортом. Потому что нельзя выглядеть так, как он выглядит, просто от природы. Пусть даже я не видела его без одежды, под ней угадывались крепкие мышцы.

Мои щеки словно ошпарило, когда я осознала, о чем вообще только что подумала. О голом Османчевом, ага! Не надо мне знать, что у него там под одеждой!

— Как мне избавиться от его навязчивого внимания, а заодно и от всеобщего? — Я умоляюще посмотрела на Ассоль, а она удивленно заморгала.

— Откуда мне знать? Начни бегать за ним, как половина девчонок школы, и он отстанет.

Я поперхнулась воздухом и отрезала:

— Не вариант.

— Тогда просто подожди, пока ему не надоест. — Астанина кивнула на дверь ванной: — Меня гораздо больше интересует, что ты будешь делать с шубой?

Я прекрасно ее поняла: дело не в шубе, а в том, что кто-то собирается вытравить меня из школы.

— Думаю, без мамы здесь не обойтись. Там есть камеры, ей уже наверняка все доложили…

— Там участок со сломанными. Женек из 11 «А» перед каникулами на спор вывел их из строя, чтобы можно было курить и не огребать. До сих пор чинят.

То есть у меня даже доказательств нет.
— Тогда разберусь сама. Для начала узнаю, кто это сделал.

Глава 11. Дан

При мысли об областном прокуроре в большинстве случаев, наверное, представляется такой мужик в возрасте с пивным брюхом, которое он старательно прячет под дорогими костюмами, лысеющий, с глазами как рентген старосоветского образца, ну или наоборот — с такими бегающими маслянистыми глазками, что сразу становится понятно: к нему можно прийти и договориться.

Но-о-о-о… все это не о моем отце. Любой злой язык, попытавшийся сказать, что Вика с моим отцом, чтобы богатый и толстый папик обеспечил ей безбедную жизнь, отсох бы еще на подлете. Потому что Антон Петрович Османчев больше похож на модель: широкие плечи и военная выправка у него остались со службы на флоте, пронзительные синие глаза и короткая щетина стрижки (мой отец обожает стричься «под единичку»), ухоженные руки и голос «с металлической хрипотцой». Короче, доебаться до того, что Вика с ним только из-за денег и статуса не получится, но я все равно так считаю.

А он нет, и на мое мнение ему положить большой и толстый. Равно как и на меня с того самого дня, как умерла мама.

— Опа, — говорю я, оказываясь в его кабинете. — Сразу сажать будете, товарищ прокурор, или договоримся?

Отец награждает меня убийственным взглядом, а я зло плюхаюсь в кресло напротив. Во-первых, все его приказы «явиться к нему в срочном порядке» — это именно приказы, и если их не исполнять, ничем хорошим это не кончится, а я терпеть не могу, когда меня дрессируют. Я не собака и не цирковой медведь. А во-вторых, из-за его сегодняшнего «в срочном порядке» мне пришлось отказаться от идеи проводить Снежину до дома. Мне уже доложили, что она ходит пешком на остановку, а оттуда едет на автобусе.

Так вот, я мог бы ее подвезти, ну а там, глядишь, и…

Хуй в бабл ти. Потому что отцу понадобилось срочно меня увидеть.

— Неделя до первого этапа, — без предисловий говорит папаша. — Неделя! А мне звонит твой тренер, блядь, и говорит, что ты прилагаешь недостаточно усилий!

— Во-первых, Дмитрий Борисович не блядь, — говорю я, за что зарабатываю еще один убийственный взгляд, — а во-вторых, я берегу усилия для того самого первого этапа. Еще вопросы?

Взгляд отца леденеет и становится похожим на зимнюю ночь в Норильске.

— Ты как со мной разговариваешь, щенок?!

— По-русски.

По лицу отца становится видно, что я перегнул, но мне уже все равно. Просто потому, что ничего кроме этого ебаного спорта в моей жизни его не интересует! Да и не поло-

жить бы мне. Скоро я реально поеду на эти соревнования, и если даже меня не заметят на них, после выпускного свалю из этой дыры в Москву. Пусть тут строят с Викой светлое будущее по заветам из его прошлого, рожают прокурят и радуются жизни.

— Ты совсем страх потерял? — спрашивает отец. — На носу главное событие твоей жизни, а ты что, блядь, расслабиться решил? И трижды подумай, перед тем, как ответить.

— На носу — главное событие твоей жизни, — ответил я, поднимаясь. — Вот ты и напрягайся.

Отец резко выпрямился, мы с ним были одного роста, но он всегда умудрялся смотреть на меня свысока.

— Провалишься на любом этапе — выставлю на улицу с голой задницей, — пообещал он, — будешь зарабатывать себе на жизнь как нормальные люди.

Вместо ответа я развернулся и вышел, чувствуя, как все внутри закипает. С самого первого дня, как меня поставили на лыжи — а мне тогда было лет пять, я чувствовал себя обязанным быть первым. Первым среди друзей, первым в школе. Первым на региональных соревнованиях. Первым, первым, первым, потому что для отца не существовало других вариантов.

Второе место — это проеб.

«Второе место существует только в голове тех, кто привык мыслить как проигравший».

И нет, перспектива остаться на улице «с голой задницей»

меня не пугала: руки-ноги-голова у меня есть, все, к счастью, работает. Так что чем заниматься я всегда найду, даже если останусь без высшего.

К тому моменту, как я вышел из отцовского кабинета, мне в мессенджер написал Матвей.

«Дан, ты в курсе, что произошло со Снежиной?»

«А что с ней произошло?»

Матвей не сразу ответил, потому что был не в сети, но я и без него все увидел, когда зашел в нашу флудильню. Сообщение от Валентеева: «Смотрите, что мне скинули только что» и ниже — Лиза в своей забавной сиреневой шубе, которая уже была не сиреневая, а грязно-черная, как и белая шапка. Фото было сделано на большом приближении, так что она явно не видела того, кто фотографировал из кустов. Но выражение лица у Снежинки было совершенно потерянное, а подпись под фоткой «школьная Золушка после работы» ударила по сознанию какой-то совершенно бесконтрольной яростью.

Но, что самое паршивое, в чате сыпались ржущие смайлы и комментарии в стиле:

«А что, ей идет».

«Предлагаю звать ее Баб Лиза. Ну по аналогии с бабой Нюрой, которая на первом этаже моет».

«Лучше Пиздирелла», — это написала одна из подружек Царевой, вторая ей поддакнула:

«Пиздирелла осталбенела. Вы ее рожу видели?»

«Остолбенела пишется через «о»», — написал я в чат, и все ники с «печатает сообщение…» сверху чата сразу исчезли с радаров.

Я прекрасно понимал, что от моей следующей фразы зависит все, но мне даже думать не надо было, что написать. Меня захлестнула такая ярость, что я чуть не нахерачил кучу опечаток в простом вопросе.

«Кто это сделал»?

Глава 12. Лиза

Маме я так ничего и не рассказала. Если у меня и были сомнения насчет того, правильно ли я поступаю, то они сразу развеялись, когда она вернулась домой около девяти, невероятно уставшая.

Сама я добралась на такси. Аккуратно стянула вещи Ассоль — короткую белую курточку, модные джинсы и водолазку из нежнейшего кашемира, переоделась в свою одежду и сгоняла в ближайшую химчистку. Астанина говорила, чтобы я не заморачивалась:

— Можешь оставить себе! Это из старой коллекции.

Я бы с удовольствием, потому что у меня таких шмоток отродясь не было. Но тогда пришлось бы объяснять маме, где я это взяла. Поэтому моя рациональная правильная часть быстро задавила девочковую с ее восторженными воплями.

Я не рискнула стирать одежду Ассоль, сдала в химчистку вместе со своей.

Женщина на приеме заявила:

— С этим все нормально, а вот с шубой — как повезет. Распишитесь, что претензий к чистке не имеете.

Ну супер вообще! Теперь придется ходить в полинявшей шубе.

Я достала старое пальто, а белую курточку сложила в пакет, чтобы потом отдать все вместе Астаниной, и попросила

у Мироздания, чтобы мамины мысли были заняты школьными проблемами.

Так и получилось. Вечером она лишь спросила как мои дела, приняла душ и отправилась спать. Правда, за завтраком все-таки прозвучал вопрос, которого я ждала:

— А где твоя шубка?

— Сдала в химчистку, — проворчала я, насыпая сухой корм Баське. — Какой-то идиот окатил меня грязью из лужи.

— Сочувствую, милая, — расстроилась мама.

Я пожала плечами.

— Да ну, ерунда. Похожу в пальто.

— В нем же будет холодно!

— Надену шерстяной свитер.

Я жизнерадостно улыбнулась и облегченно вздохнула, когда мама предложила на выходных сходить в торговый центр и присмотреть мне пуховик. Существовал малюсенький шанс, что она вспомнит, что дождь в городе был неделю назад, а значит, окатить меня из лужи было сложно. Но мозг мамы, видимо, был слишком загружен работой, и я впервые этому искренне порадовалась.

В школу мы едем вместе, на автобусе. Мама не водит, но в Москве ей это было не нужно. А здесь… здесь у нас режим эконом, поэтому приходится крутиться. Особенно учитывая, что мне действительно нужен новый пуховик.

У мамы привычка выходить пораньше (наверное, привыкла к тому, что приходится стоять в пробках), поэтому я ока-

зываюсь в школе за полчаса до начала занятий. Зато спокойно сдаю пальто в гардеробную, переобуваюсь в сменку и поднимаюсь на третий этаж, в кабинет химии.

Сам кабинет еще закрыт, поэтому я подпираю стену и повторяю тему. Преподаватель по алгебре — не единственная, кто проверял мой уровень, так что я на всякий случай готовлюсь. Заодно размышляю над своим списком подозреваемых. Возможно, это звучит пафосно, но я даже в телефоне создала заметку с таким названием. Пока что внесла туда Цареву и ее подружек. Конечно, у меня пока нет никаких доказательств, но я собиралась их достать.

Просто они невзлюбили меня с самого начала. А внимание Османчева ко мне вполне могло стать причиной для буллинга.

Захожу в «ТикТок» и вижу, что Ассоль приняла мой запрос на добавление в друзья. Улыбаюсь, потому что несмотря на то, что эта девчонка меня вчера спасла, для меня она пока что загадка. Но я бы очень хотела с ней дружить, и вовсе не из-за того, что Ассоль выглядит как принцесса и живет во дворце. Просто мне кажется, что мы с ней похожи. Не снаружи, а внутри.

— Привет, Снежина!

Я залипаю в телефоне, поэтому не замечаю подошедшего Османчева, а когда замечаю, уже поздно — он возвышается рядом. Слишком близко. Вроде в шаге стоит, а у меня сердце начинает колотиться с удвоенной силой. Это вооб-

ще нормально? Хотя для местного звездного мальчика, наверное, нормально. Если быть непредвзятой, Османчев красавчик. Если учитывать его характер и репутацию, то лучше держаться от него подальше.

— Рад, что у тебя с утра хорошее настроение.

В отличие от меня Данил мрачный как сегодняшняя погода.

— А должно быть плохим? — интересуюсь, делая вид, что занята просмотром ленты в телефоне. Кроме нас в коридоре еще несколько учеников, но они из других классов.

— Я знаю, что произошло с тобой вчера.

Мне надо сделать вид, что мне неинтересно, но мне интересно. Я вчера весь вечер список составляла, поэтому осторожно спрашиваю:

— Ты знаешь того, кто это сделал?

— Да, — отрезает Данил, а после добавляет: — А вот и наш герой дня!

К кабинете подходит Коля, и Османчев легко, словно куклу, перехватывает парня и с силой впечатывает в стену, заломив ему руки за спиной.

— Ты что делаешь? — шиплю я.

— Восстанавливаю справедливость, — тоном Данила можно уничтожить на месте. — Извиняйся, — рычит он.

— Отпусти его! — приказываю я. — При чем здесь Коля?

— Пусть сам расскажет, при чем.

— Я сейчас позову учителя!

Это такой сюр, что я на полном серьезе собираюсь набрать мать. Пусть даже проблем потом не оберусь. Колю же надо спасать от этого сумасшедшего!

Но прежде чем я успеваю что-то сделать, Османчев надавливает на парня сильнее и тот признается:

— Это я! Это я облил тебя вчера, Лиза!

Я так и замираю со смартфоном в руке, глядя на него во все глаза.

— Зачем? — вырывается у меня.

— Потому что нихрена ты не аутсайдер, московская чика! — захлебываясь ядом, выпаливает Коля. — Девочка с картинки, которая мне никогда не светит! Появилась тут и привлекла внимание всей школы! Дочь директрисы и столичная штучка.

Я не могу поверить, что это Коля.

Я не могу поверить в эту ненависть и… зависть. Просто так. На пустом месте.

Мне нечего сказать. Во мне нет слов.

А вот у Османчева есть:

— Все сказал? — снова надавливает он на Колю.

— Я прошу прощения, — хнычет Боровиков, но не так искренне, как только что кидался словами, словно острыми шипами.

— Подавись своими извинениями, — бросаю я, разворачиваюсь и ухожу.

Глава 13. Лиза

Правда, недалеко. Где-то через пару шагов я вспоминаю, что у меня урок химии прямо здесь. Еще через пару — что вот-вот прозвенит звонок. Мне нужно вернуться в класс, тем более что сегодня моя первая химия, и опоздание или, тем более, прогул, точно не лучший вариант. Но я просто не могу заставить себя развернуться и вернуться. Просто физически не могу…

Школа оживает все больше с каждой минутой. Становится громче, мимо меня проходят одноклассники и одноклассницы. Как-то странно косятся, но мне плевать.

Впервые за долгое время мне не хочется идти на уроки, мне хочется сбежать. Это вообще не в моем стиле, это не про меня, но обрушившаяся на меня ненависть разъедает с той же силой, как хлорка — мою шубу. Мамин подарок.

Я вообще не понимаю, чем заслужила такое.

Столичная чика. Я бы посмеялась, если бы это было смешно. Кем-кем, а московской чикой меня точно нельзя назвать. Я просто обычная девчонка, каких много, и в Москве было именно так, но здесь я привлекла общее внимание самим фактом своего существования.

В этом Коля прав.

Наверное, здесь, в провинции, слишком скучно, и мое появление — это развлечение, которому добавляет особой

остроты то, что я — дочь директрисы.

— Эй. Снежинка, — Османчев догоняет меня в два шага. — Что мне сделать, чтобы ты улыбнулась?

Я уже привыкла к тому, что Османчев — как танк. Или как его ник, Османская империя, в смысле, для него не существует границ. Ни личных, ни наличных.

— Вариант «оставить меня в покое» рассматривается?

— Конечно же нет.

— Зачем я тебе сдалась?! — вырывается у меня. Я бы раньше никогда такого не спросила, но раньше было раньше, а сейчас меня всю перетряхнуло от Колиного «признания».

Я общалась с этим парнем и совершенно не заметила, не почувствовала того, что он ко мне чувствует. Всей этой ненависти, зависти, злости, которая до сих пор не давала нормально дышать, вызывая всего один-единственный вопрос: почему?!

— Что значит — зачем? — Брови Османчева взлетают вверх. — Ты красивая девчонка, я хочу пригласить тебя на свидание и пообщаться. Это для тебя ту мач?

Для меня ту мач все, что происходит в последние два месяца. Но, как выяснилось, я была абсолютно слепой не только в том, что касается Боровикова, я не видела того, что происходит в моей семье, между матерью и отцом до того, как мне не прилетело этим в лоб на мой пятнадцатый день рождения.

— Хорошо, — неожиданно для себя соглашаюсь я. — Ес-

ли я схожу с тобой на свидание, ты отстанешь?

Османчев присвистнул.

— То есть ты заранее списала меня со счетов?

— Я прекрасно понимаю, что мы с тобой разные, — пожала плечами я. — И я вряд ли смогу дать тебе то, что тебе нужно.

— Воу-воу-воу, Снежинка! Давай помедленней. Откуда ты знаешь, что мне нужно?

У меня на языке буквально крутится язвительное: «Я прекрасно понимаю, что нужно парням вроде тебя», но я предпочитаю оставить его при себе. В конце концов, это не имеет ни малейшего значения: нам с Османчевым действительно нечего делать вместе.

— Это мое условие, — говорю я. — И ты либо на него соглашаешься, либо больше ко мне не подходишь.

— Ты не Снежинка, — фыркает Османчев. — Ты просто Буранка какая-то.

— Не Буренка, и на том спасибо. Так что?

— Хорошо, но у меня встречное условие. Если тебе понравится, ты дашь мне шанс, и мы продолжим.

Мне не понравится. Возможно, поэтому мне очень легко сказать:

— Идет.

— Супер. Тогда сегодня…

— Сегодня никак.

Я договорилась о встрече по поводу работы. И пусть она

не совсем легальная, я должна помочь маме. И себе тоже. Не думаю, что там, куда я устроюсь, будет много посетителей, особенно здесь, так что я смогу спокойно делать уроки. И зарабатывать.

— Завтра, Снежинка. И ни днем позже.

— В выходные.

Завтра я уже скорее всего буду работать, но Османчеву об этом знать не обязательно. Или, может, он вообще сольется? Спорим, никто не выдвигал ему столько условий по поводу одного свидания.

— В выходные я буду на соревнованиях.

— На соревнованиях?

— Да. Лыжи, я вроде как профессионально этим занимаюсь. Ну то есть на профессиональную перспективу.

Я вспоминаю, что об этом мне рассказывала Астанина. На этой моей мысли звенит звонок, и я разворачиваюсь в сторону класса.

— Стой, — останавливает меня Османчев, — Молекула по жизни опаздывает. Тогда на следующей неделе? Когда вернусь?

— Договорились.

Мне уже хочется побыстрее сбежать в класс. Вот же… буквально пять минут назад я думала о том, чтобы никогда туда больше не возвращаться, а сейчас — о том, как побыстрее оказаться внутри. Подальше от Османчева и его пристального внимания, которое скользит по коже, заставляя ее

покрываться мурашками и становиться чувствительной, как от температуры.

На что я только что согласилась?

Я все-таки ухожу или, точнее будет сказать, убегаю. В классе озираюсь на тему, куда сесть, но Ассоль показывает на место рядом с собой, и я без колебаний иду к ней.

Глава 14. Лиза

Если я и надеюсь на то, что Османчев забудет о своем предложении, то зря. Потому что в понедельник на последнем уроке мне приходит от него сообщение:

«Привет, Снежинка. Скинь свой адрес. Заберу тебя сегодня в шесть».

Я прячу телефон под партой и быстро набираю ответ:

«Я сама доберусь».

Я не настолько идиотка, чтобы садиться в машину к парню, которого, по сути, не знаю. Ну кроме того, что он золотой мальчик, краш половины школы и тот, кто раскрыл правду про Колю. Кстати, после того, как я пересела к Ассоль, подружки Царевой перестали шипеть мне в спину, и прошлая учебная неделя прошла мирно. Я бы даже сказала, замечательно прошла.

Я все-таки получила работу. Деньги были небольшие, но все равно мои.

Жизнь налаживалась. Осталось только с интересом Османчева разобраться. В смысле, сходить на свидание, разонравиться ему и жить дальше.

Проще простого! Потому что такие, как Данил, любят себя. И не любят тех, кто не считает их исключительными. Такие, как он, привыкли, что добиваются их. А я не собираюсь вписывать свое имя в длинный список на стене разбитых

сердец имени Данила Османчева. Пусть даже он выглядит как кинозвезда, вряд ли у нас вообще найдется что-то общее с этим золотым мальчиком. В том числе и поэтому!

«Давай тогда в 18.30».

Он присылает отметку на карте. Это самый крупный ТРК города. Точка стоит возле главного входа.

«ОК», — набираю в ответ. Можно было продолжать его динамить, но у меня есть план получше. Я хочу поставить в этом точку.

«До встречи, Снежинка».

Я закатываю глаза. Вот честно, мы словно в детском саду, а не в выпускном классе!

«До встречи, лыжник».

Османчев присылает мне черепа — умер от смеха.

Я морщусь, потому что понимаю: надо менять стратегию. У меня должны быть несмешные шутки. Со мной должно быть неинтересно. Османчев должен умереть от скуки на нашем свидании и быстро слиться. А для этого мне достаточно просто быть собой. Потому что я не девочка с картинки, к которым он, наверняка, привык. В своем новом пуховике цвета хаки я напоминаю себе цукини с шапкой. На свою новую работу я делаю мейк, чтобы выглядеть старше, но на свидание с Османчевым лишь наношу прозрачный блеск, и то для того, чтобы губы не обветрились на морозе, а волосы просто забираю в высокий хвост.

Когда я подхожу к прозрачным дверям торгового центра,

то в собственном отражении вижу скорее девочку-подростка, чем совершеннолетнюю старшеклассницу.

Дан ждет в холле, возвышаясь над текущими туда-сюда человеческими реками. На нем черные джинсы и черная куртка, и ярко-красная, на контрасте, толстовка. Я не разбираюсь в обуви, но, готова поклясться, это какая-то лимитка. Но дело даже не в одежде, а в широких плечах, в его спортивной подтянутой фигуре, в том, как небрежно лежат его волосы. Он с выражением скуки на лице скролит в телефоне и выглядит словно ледяной принц из сказки. Красивый, высокомерный и неприступный. Но стоит ему заметить меня, как во взгляде серых глаз вспыхивает нечто огненное. Красиво очерченные губы растягиваются в улыбке. А я с ужасом ловлю себя на том, что я стою и любуюсь Османчевым.

Ужас!

«Вкрашишься в него как все, и не заметишь», — вспоминаю я слова Ассоль и решительно подхожу к парню.

— Привет.

— Привет, Лиза, — Дан произносит мое имя как-то особенному, как никто другой до него, и я злюсь сама на себя. Потому что никогда не западала на смазливых парней. Мне всегда было важно, какой передо мной человек. Хотя Османчева смазливым не назовешь при всем желании. Он гораздо опаснее, потому что он — красавчик с мозгами. — Кино или боулинг?

Я представляю, что мы полтора часа сидим на соседних

креслах в темном зале кинотеатра, и у меня начинают гореть щеки, поэтому выдавливаю из себя:

— Боулинг. — Хотя в боулинге я была всего два раза и ни разу не сбила ни одну кеглю.

— Отлично. — Он быстро печатает сообщение. — Я тогда забронирую дорожку, а мы пока поедим. Ты голодная?

— Да, я бы что-нибудь съела.

Османчев пропускает меня вперед перед эскалатором и встает всего лишь на ступеньку ниже, отчего мы оказываемся слишком близко друг к другу. Настолько близко, что я чувствую аромат его туалетной воды. Это что-то с цитрусовыми нотами, что-то настолько приятное, что мне хочется вдохнуть этот аромат поглубже. Но в то же время хочется убежать вверх по ступенькам, потому что я едва не прижимаюсь спиной к груди Османчева, и пуховик ну совершенно не спасает от того, что я чувствую жар его тела. Дан горячий во всех смыслах, и я, кажется, начинаю понимать, почему он всеобщий краш. Или за что его называют Османской империей. Не из-за схожей фамилии.

Просто он такой же опасный.

Подъем на эскалаторе длится не больше минуты, но для меня превращается в вечность, и, стоит мне оказаться на площадке следующего этажа, я стараюсь отойти от Дана на пару шагов.

Я думаю, что мы поднимемся на фудкорт, но он ведет меня в ресторан при боулинге. Здесь столики из черного дере-

ва, красивая барная стойка и декоративные фонари, имитирующие газовые, все с закосом под английский паб. Тут уютно, а еще дорого — последнее я узнаю, когда заглядываю в меню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.